

Д.А. Пшеницын
Вологодское общество писателей-краеведов

М.С. Черкасова
Вологодский государственный университет

НОВОНАЙДЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО АГРАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА КОНЦА XVI – XVII В.

Рассмотрен сборник поземельных актов («копийная книга») из Великоустюгского центрального архива. Выделены разновидности актов и поземельных сделок крестьян с приходской церковью, показано значение выборных церковных старост, раскрыто значение источника для изучения аграрной и социальной истории севера.

Русский север, церковь, община, деловая письменность, землевладение.

Известное изречение *Nabeant sua fata libri* (Книги имеют свою судьбу) можно отнести и к некоторым историческим источникам. В свое время исследовательница русского севера Зоя Александровна Огрязко отметила среди неразобранных материалов в Великоустюгском архиве копияную книгу поземельных актов Пачеозерской церкви Сольвычегодского (Усольского) уезда. Грамоты из книги были использованы ею в 1960 г. в интересной статье о крестьянском и церковном землевладении на севере [6, с. 71–80]. Затем источник почти на полвека исчез из поля зрения исследователей и лишь совсем недавно был снова обнаружен Д.А. Пшеницыным – одним из авторов данной статьи. Копийная книга ныне находится в научно-справочной библиотеке (НСБ) Великоустюгского центрального архива (ВУЦА) с инвентарным номером 3627 [2] и до сих пор не включена ни в один из его фондов.

Что известно о самой церкви и приходе, деятельность которых привела к появлению копииной книги? В переписной книге Устюжской епархии 1696/97 г. подробно отмечено хозяйство Михайло-Архангельской церкви Пачеозерской волости – ее пашенные и сенокосные угодья, предоставленные местным жителям многочисленные денежные и хлебные ссуды [7, л. 933–935]. Сведения эти были опубликованы Н.П. Воскобойниковой [1, с. 185]. В Историко-статистическом описании церкви Сольвычегодского уезда Вологодской губернии за 1854 г. говорится, что Михайло-Архангельская церковь в 15 верстах от Сольвычегодска могла быть основана преп. Стефаном Пермским в конце XIV в. Название места («Пачеозерь») объяснялось расположением храма на берегу наиболее крупного («паче» – более) из всех тамошних озер. Древние памятники письменности здесь сгорели в пожаре 7155 (1646/47 г.). В 1662 г. в еще одном пожаре сгорела церковь во имя Тихвинской иконы Богоматери с приделами Михаила Архангела и Флора и Лавра. При ростовском митрополите Ионе была построена новая церковь во имя Власия Севастийского с приделом Флора и Лавра. К моменту секуляризации Пачеозерская церковь имела в своем хозяйстве

28 половников-работников, а ее документы были переданы в Коллегию экономики и Устюжскую духовную консисторию [3, л. 20 об.–21]. Этим и объясняется нахождение данного рукописного сборника именно в Великоустюгском архиве.

Его физическое состояние удовлетворительное, хотя некоторые листы в нем перепутаны, имеются чернильные затемнения. Оглавления, начала и конца, скреп и печатей нет. Рукопись вложена в деревянный переплет, оклеенный материей на бумажной основе. На первом пронумерованном листе чернильная запись: «Древние рукописи на бумаге на 66 листах, пронумерованы в 1852 году». Ниже тем же почерком: «Пачеозерской Архангельской церкви городничей Свенчинский Паисий» (чтение предположительное. – Д.П., М.Ч.). Размер переплета 18,5 x 22 см. Формат бумаги 4°, листы размером 16,0 x 20,7 см прошиты суровыми нитками. В сборнике 10 тетрадей по 2, 4, 6 и 8 листов. Первая тетрадь – лл. 1–4; вторая – лл. 5–8, третья – лл. 9–10, четвертая – лл. 11–16, пятая – лл. 17–24, шестая – лл. 25–32, седьмая – лл. 33–38, восьмая – лл. 39–45, из них последний вырезан, девятая – лл. 46–55 и, наконец, десятая – лл. 56–67. Между шестой и седьмой тетрадями вклеена пронумерованная половина листа с текстом. Аналогичная картина с небольшим вклеенным листком (№ 61) между листами 60 и 62-м. От последнего в рукописи листа 67-го по диагонали оторвана половина и текст на нем таким образом утрачен.

Бумага голландская, на что указывает ее водяной знак – «Герб города Амстердама», он различим на л. 32 и 38: два льва на задних лапах. Копийная книга выполнена скорописью XVII в. чернилами разной яркости и двумя близкими по начертанию почерками. Чернильная нумерация листов дана арабскими цифрами в том же 1852 г., как следует из приведенного выше заголовка, с 1-го по 67 лист. Центральная часть рукописи (конец четвертой, вся пятая и часть шестой тетради) затемнена бурными пятнами разного количества и размера от сырости или разлившихся чернил, что порой затрудняет прочтение текста. На л. 42 следы позднейшей «пробы пера», скорее всего, чиновни-

ков Устюжской духовной консистории – секретаря Павла Соколова, канцеляристов Симеона Флоровского и Герасима Костоглядова, копеиста Александра Кивокурского.

В структурном отношении изученный сборник делится на две неравные части. На л. 1–4 об. представлен ведущийся церковными старостами учет расходов на приобретение и изготовление для Пачеозерской церкви различных мастеров. Здесь интересны данные об организации и расценках ремонтных и строительных работ. Преобладают записи за 1693–1700 гг., хотя встречается и за другие годы – 1630 и 1713. Выразительно описан сильный пожар в церкви 23 июля 1694 г., что напоминает фрагмент из церковной летописи.

Собственно копия книга актов начинается с л. 5 и продолжается до разорванного л. 67. Здесь приведено 38 грамот, из них 34 – целостных текста и 4 фрагмента. По видам актов в сборнике преобладают частноправовые: 10 купчих (в том числе одна – на книги), 6 деловых (раздельных), 5 поступных, 4 данных, 4 закладных, 2 меновных («меновых»), 2 духовные, 1 «покладная». Помимо количественно преобладающих частных поземельных актов, в сборнике имеются две благословенные грамоты ростовских митрополитов Варлама 1649 г. и Ионы 1661 г. на церковное строительство и две выписи из писцовых книг 1678 г. Большинство актов в сборнике даны с краткими заголовками в начале. Имеется также несколько пометок на полях типа «списана» или «список».

Хронологическое распределение актов в сборнике неравномерное: основная их масса относится к 1670–1690-м годам. Лишь несколько имеют более ранние даты – 1605, 1622, 1645, 1649, 1662, 1667 гг. Четыре грамоты относятся к концу XVI в. – 1572, 1585/86, 1590 и 1592 гг. Два акта не датированы. Строгой хронологической последовательности грамот в сборнике нет. Зато заметно другое – группировка их вокруг определенных владений-деревень – Кокотихи, Рыковской, Липицы.

Какие проблемы аграрной и социальной истории позволяет рассмотреть данный источник? Начнем с вопросов крестьянского и церковного землевладения. Видовое разнообразие актов копия книги отражает интенсивную мобилизацию земельно-промысловых объектов в повседневной жизни церковно-приходской общины, направляемую выборными церковными старостами. Они регулярно сменялись, а работали обычно «в паре». Имен этих «парных» должностных лиц севернорусского прихода приводится довольно много. Например: Игнатий Кононов сын Молоков и Никифор Архипов сын Белых; Матфей Анфимов сын Ядрихинских и Прокопий Корнильев сын Корниловых. На их имя местные крестьяне давали по вкладам, продавали, выменивали, закладывали различные «жеребья» (свои доли, пай) во дворах, дворовых строениях, землях, промыслах. В актах обстоятельно обрисовано пространство жизнедеятельности северного труженика. Это его двор как комплекс жилых хором и дворовых строений с прилегающей землей и угодьями (изба, баня-мовница, труба водочерпная, житница, сеник, погреб, сарай, огородец-капустник или репище, гумно, огуменник, овин, поскотина, сенные покосы, от-

мечен даже замок нутряной!) [2, л. 42 об.]. Далее словно расширяется горизонт пространства: земля (пашня-ролья, «веретеи пашенной земли», «орамая земля»), пожни, озера, истоки («в поскотине по земле жеребей»). Связи крестьянского хозяйства с внешней средой (природной и социальной) были многофункциональны, в актах отражены особенности севернорусского аграрного пейзажа с характерным для него сочетанием индивидуального мелко-жеребьевого и товарищеско-складнического способов хозяйствования и природопользования [10, с. 45].

В крестьянских актах сборника закрепились нормы вотчинного права. Земли передавались церкви «в вотчину, впрок без вывета и без выкупа». До этих участков, как заверяли контрагенты сделок, «нет дела детем моим и всему моему роду-племени». Церковные старосты и прихожане могли их «по мирскому приговору вольно из казны продать или заложить» тяглым крестьянам, что оттеняет налогово-повинностный статус всех форм собственности на севере, если только речь не шла о крупных монастырях с широким иммунитетом. В структуре церковного землевладения ощутимы два уровня: 1) общинный – «старост с прихожаны» и 2) индивидуальный – в лице попа, дьякона, мелких причетников. Есть сведения и о земельных владениях в Окологородном стане и Пачеозерской волости посадских людей Соли Вычегодской, вступающих в различные поземельно-имущественные отношения с крестьянами [2, л. 52, 55]. Свои земельные участки в уезде и работников-половников имели и посадские люди Соли Вычегодской. Это говорит об органической близости севернорусского города и окружающего его уезда в хозяйственном и налоговом отношении [11, с. 165–185].

При получении земли разными способами к церкви (в лице старост и прихожан) переходили налоговые обязательства с данного участка – государева дань, оброк, всякие «волостные расходы и разметы». Их следовало выплачивать по окладным книгам церковных старост. В числе окладных единиц иногда упоминаются весьма архаичные «плуг» и «белка». С ними были связаны старинные налоговые взимания – «поплужное», а белочный оклад «розрубался» мирскими выборными между членами посадской или крестьянской общины. Приоритетное значение имели государственные налоги, среди которых в XVII в. особенно важными являлись стрелецкие и ямские деньги [2, л. 43 об.]. К прерогативам церковных старост относились и поряды половников с выплатой им определенного количества хлеба за работу по церковному ремонту, строительству, обработке пашни, уходу за скотом.

В частных актах весьма подробно описывались границы передаваемых церкви участков, и здесь иногда встречается архаичный оборот «куда коса, соха, топор и плуг ходили». Вообще для Устюжской земли (к которой относилась и Соль Вычегодская) более показательна трехчленная формула: *топор – коса – соха*. Включение сюда еще и плуга может свидетельствовать о совместном использовании этих орудий [2, л. 43 об.]. О трехполье говорят постоянные ссылки на высеваемые зерновые культуры – озимую рожь, яровые овес и ячмень; на солому ржаную и яровую (это был корм для скота); а еще на «пары троеные», то

есть трижды вспаханную паренину. Наряду с трехпольем, практиковались и элементы подсеки – «росчисти черного леса», «новоросчистные места» [2, л. 19 об., 59; 10, с. 46–47]. Следовательно, процессы повторного земледельческого освоения здесь и в конце XVII в. продолжались, и в ходе их, как пишет Е.Н. Швейковская, комбинировались разные системы землепользования [10, с. 48]. Хлеб измерялся и учитывался в местных (сольвычегодско-устюжских) «мерах», включающих обычно 3 четверти зерна [5, с. 125 – прим. 23].

Жеребьевые участки и «паи» передавались крестьянами в Пачеозерскую церковь одновременно с различными предшествовавшими документами для обоснования владельческих прав приходского сообщества – данными, деловыми, купчими, закладными, порядными на половников, духовными грамотами. Назначение их указывалось «для справки; для владения и меж». Иногда между крестьянами случались конфликты из-за *перепашки* пахотной земли и *перекоса* сенных угодий. Подобные коллизии рассматривались по наказным памятям воеводы в местном суде, выигравшей стороне выдавалась *правая память*. Спорные ситуации из-за земли между деревнями разрешались в присутствии земских и церковных старост, сотских (еще один архаичный институт мирского самоуправления) и понятых «полюбовно, сыскав в сердцах свои правду» [2, л. 23, 53 об].

Помимо частных актов и судебных документов, важным инструментом упорядочения земельных отношений были землеописательные работы в Усольском уезде. В актах сборника много ссылок на писцовые книги: чаще – Г.Д. Овцына и подьячего В. Крюкова 1678 г., реже – Б. Приклонского 1644/45 г. [4, с. 299, 307, 313–314]. Акты в сочетании с писцовыми книгами расширяют наши знания о структуре землевладения в Пачеозерской волости, где были еще и владения сольвычегодского Введенского и Николо-Коряжемского монастырей [2, л. 38 об., 62 об.], именитых людей Строгановых – Григория Дмитриевича и вдовы Анны Никитичны [4, с. 316].

Иногда уточнялось, что церкви передаются списки, а подлинные крепости оставались у дарителей-вкладчиков-продавцов. В нередких пожарах письменные крепости сгорали, и тогда утратившие их владельцы подавали об этом *изветные челобитные* в приказную избу Сольвычегодска, где заносились в книги [2, л. 43 об., 44, 57]. Как бы то ни было, деловая письменность активно функционировала на разных этапах севернорусского социума, документы оседали и в частных домах, и в церковном хранилище, использовались в повседневной практике.

К документально-правовой культуре изучаемой микротерритории имеют отношение сведения о писцах актов. Это были земские и церковные дьячки Пачеозерской волости, должности которых нередко исполнялись одним лицом. Десятки их имен указаны в актах нашего сборника. Должность отца – Никиты Молокова – мог унаследовать сын – Никифор Никитин сын Молоков. Сведения эти важны для изучения крестьянской грамотности. Привлекались к написанию крепостей и представители местного духовенства – Моска Григорьев сын *Понов*, Андрюшка Иванов

сын *Понов*. Некоторые грамоты были оформлены в Москве подьячими Ивановской площади в Кремле, а еще – площадными подьячими Сольвычегодска [2, л. 34, 55 об., 63]. Документы создавались и в церковной, и в гражданской сфере.

В плане социокультурном интересны сведения актов о *коммеморациях* – поминальной практике в отдельно взятом приходском храме. Религиозной мотивацией у крестьян для передачи своей церкви участка земель и угодий было заздравное и заупокойное поминовение данной семьи и запись 7–16 имен в синодик. В нескольких актах непосредственно приведены перечни таких имен – мужчин, женщин, детей. В других находим прямые указания на состав малой крестьянской семьи – супружеская пара, 7 сыновей и 4 дочери [2, с. 41 об., 60, 62 об.]. Предусматриваемые дарителями виды поминаний (заздравных – на определенный день в году; либо двух годовых посмертных обеден) отражают представления крестьян о межпоколенной преемственности и непрерывности во времени «всего нашего роду – ближнего и дальнего», о духовном единстве мертвых и живых.

В духовных грамотах встречается архаическая формула, известная по новгородским грамотам: «А не виноват никому ничем, разве Богу душою». Синонимом духовных являлись «изустные памяти», само название которых отражает запись завещания из уст человека на смертном одре. В них при перечислении свидетелей отмечены сначала священники – отцы духовные, а затем «мужи-сидельцы». После текста духовной Афанасия Трифонова с. Белых 14 января 1675 г. приведена подробная *свидетельствованная запись*, сделанная приказным человеком ростовского митрополита Ионы, архимандритом сольвычегодского Введенского монастыря с выборными поповскими старостами 23 февраля 1675 г. Запись включала опрос свидетелей «изустной», правильность записанных в ней распоряжений, взимание пошлин для вступления подобного документа в законную силу – из расчета 7 коп. с рубля завещаемой денежной суммы плюс 25 коп. печатной пошлины (поскольку введенский архимандрит скреплял свое «свидетельствование» приложением печати) и истопникам ростовского владыки 5 коп. [2, л. 40 об.].

В плане гендерного взаимодействия интересны свидетельства актов из сборника о женских правах (наследственных, распорядительных) на земельные участки. Крестьянские жены и вдовы могли участвовать в хозяйственных товариществах-складничествах. Жены свободно передавали жеребья, оставшиеся им после смерти мужей, в Пачеозерскую церковь, обусловливая это религиозными (поминовение) и социальными мотивами. Последние – это функции приходской церкви по социальному обеспечению членов семьи вкладчика-дарителя, его жены, затем – вдовы, дочерей до замужества. Крестьянские жены, вдовы и дочери становились объектами социальной заботы и защиты со стороны церковных старост и прихожан, получая нормированное хлебное содержание. Приобретая в результате поземельных сделок участки земли, женщины как равноправные участники сделок принимали на себя и полагающиеся налоговые обязательства.

Авторы планируют в ближайшее время полную публикацию этого ценного источника. Помимо историков, он может представлять несомненный интерес и для лингвистов, содержит материал по ономастике и бытовой лексике русского севера.

Литература

1. Воскобойникова, Н.П. Церковные приходы Сольвычегодского уезда по переписной книге городских и уездных церквей Устюжской епархии 1696/97 г. / Н.П. Воскобойникова // XVII век в истории и культуре Русского Севера: материалы XII Каргопольской научной конференции. – Каргополь, 2012. – С. 179–186.

2. ВУЦА. – НСБ. – № 3627.

3. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Кн. 12596*.

4. Писцовые книги Русского Севера / сост.: Н.П. Воскобойникова и др. – Москва: Памятники исторической мысли, 2001. – 478 с. – (Каталог писцовых книг Русского государства: Документы земельного кадастра и землеустройства XVI–XVII вв. – Вып. 1.)

5. Лохтева, Г.Н. Половники Троице-Гледенского монастыря / Г.Н. Лохтева // Исторические записки / отв. ред. А.Л. Сидоров. – Москва: изд-во АН СССР, 1962. – Т. 72. – С. 119–139.

6. Огризко, З.А. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. (К вопросу о первичных формах феодальной собственности на землю) / З.А. Огризко // История СССР. – 1961. – № 3. – С. 71–80.

7. РГАДА. – Ф. 236. – Оп. 1. – Кн. 76.

8. Черкасова М.С. Переписная книга Устюжской епархии 1696/97 г.: Из истории практического архивоведения на Севере России в конце XVII в. / М.С. Черкасова // Вестник РГГУ. Серия: История. – 2011. – № 12 (74). – С. 117–130.

9. Черкасова, М.С. Плуг и поплужное на Устюге в XV–XVII вв. / М.С. Черкасова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. – Москва; Самара: Самарский университет, 2015. – 510 с.

10. Швейковская, Е.Н. Государство и крестьяне в России. Поморье в XVII в. / Е.Н. Швейковская. – Москва: Археографический центр, 1997. – 285 с.

11. Швейковская, Е.Н. Традиционализм как тип социально-экономического развития: Русский Север в XVI–XVII вв. / Е.Н. Швейковская // Россия в Средние века и Новое время: сб. ст. к 70-летию чл.-корр. Л.В. Милова. – Москва: Наука, 1999. – С. 165–185.

D.A. Pshenitsyn, M.S. Cherkasova

A NEW SOURCE ON AGRARIAN AND SOCIAL HISTORY OF THE RUSSIAN NORTH AT THE END OF THE 16th – 17th CENTURIES

In the article, the compilation of land acts ('kopiynaya kniga') from the Veliky Ustyug Central Archive is described. The author considers the types of acts and land transactions of peasants with the parish church, explores the role of elected church headmen, and defines the significance of the source for the study of the agrarian and social history of the Russian North.

Russian North, church, community, business writing, land ownership.

* Благодарю Р.П. Бланчука за предоставленные сведения из этой рукописи. – М. Ч.